

*Владимир Владимирович АФИСОВ —
соискатель кафедры уголовного
процесса и криминалистики
Сургутского государственного университета*

УДК 343.1(470+571)

ПРЕДСОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ ПОТЕРПЕВШЕГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается история развития понятия потерпевшего, его роли в уголовном процессе России, начиная с Русской Правды 916 года и до настоящего времени.

This article examines the history of development of the conception of a victim and his role in a criminal procedure in Russian, beginning from the Russkaya Pravda 916 year and up to the present days.

Первым известным законодательным источником русского права считается Русская Правда. Наиболее древний ее список датирован 916 г. [1] Именно Русская Правда ограничила применение кровной мести. Древнерусский процесс стал носить частно-исковой характер. Производство по уголовному делу начиналось исключительно в случае принесения пострадавшим лицом жалобы («челобития»). Такую жалобу мог принести не только сам пострадавший, но и его семья или род. Только убийство преследовалось судом независимо от заявленного иска; все иные преступления и другие правонарушения — только после предъявленного иска. Обвиняемый и жалобщик-потерпевший назывались истцом и ответчиком и были наделены одинаковыми правами, дающими каждому из них возможность отстаивать свою позицию.

С наступлением в истории княжеского периода уголовный процесс претерпевает некоторую трансформацию. Он приобретает сыскной характер, наиболее яркое проявление которого можно было наблюдать по делам, имеющим политический характер. Непомерно усиливается публичное начало. Именно в княжеский период вводится пытка. В это время потерпевший перестает играть в уголовном процессе сколько-нибудь активную роль.

Только в результате судебной реформы 1864 г. и принятия Устава уголовного судопроизводства [2], который предоставил пострадавшим определенные возможности для отправления своей процессуальной функции, потерпевший становится активным участником уголовного процесса.

«Независимо от судебного преследования по должности, во имя закона, в интересах государства и общества, законодатель установил преследование частное, постановив его в зависимости от воли лица, потерпевшего от преступления» [3]. Возможность подачи частным лицом уголовного иска обусловлена содержащимся в ст. 171 Уложения о наказаниях указанием на то, что отдельные категории преступлений и проступков «подлежат ведению и рассмотрению суда не иначе как по жалобе обиженного или оскорбленного лица» и что «одни преступления этого рода могут быть прекращаемы примирением, а другие не допускают его». Закрепляя в нормативных актах данные положения, законодатель основывался, видимо, на том, что право решения вопроса — возбуждать уголовное преследование или нет — принадлежит лицу, пострадавшему в результате этого уголовно-наказуемого деяния. Это, в свою очередь, связано с тем, что в результате совершения преступлений, отнесенных к этой категории, нарушаются в большей степени интересы частного лица, нежели интересы го-

сударства, и поэтому лишь потерпевший может оценить все «за» и «против» возбуждения уголовного преследования и принять наиболее правильное, по его мнению, решение по этому вопросу. Именно исходя из этого законодатель закрепил исключения в пользу частных лиц из общего правила о преследовании преступлений в интересах государства «во имя закона».

Следует отметить, что Устав уголовного судопроизводства не содержал легального определения потерпевшего, чаще всего применялись термины «обиженный», «оскорбленный». Устав разделил институт потерпевшего и само понятие на две части, а именно — оперировал институтами частного обвинителя и гражданского истца. Гражданин, пострадавший от преступления, защищал свои интересы, приобретая в установленном порядке статус частного обвинителя или гражданского истца.

Согласно Уставу уголовного судопроизводства, пострадавшим лицо являлось не только при причинении материального вреда, но также и морального. Великий русский юрист А. Ф. Кони писал по этому поводу: «Всякий вред от преступления, как материальный, так и личный, делает человека, коему он причинен, потерпевшим от преступления» [4].

М. В. Духовский отмечал, что вред, причиненный лицу, мог быть как материальным, так и моральным, определив при этом, что судебные уставы проявляют слабую заботу о правах потерпевших, особенно пострадавших морально [5].

А. А. Квачевский определял потерпевшего не только как лицо, понесшее вред и убытки и домогающееся вознаграждения за них, но и лиц оскорбленных, обиженных [6].

И. Я. Фойницкий считал, что потерпевшие - это «все лица, которые понесли от преступления какой-либо вред — материальный или нематериальный, наличный или только юридически возможный, выражающийся в нарушении прав их самих или близких им по родству или опеке. Понятие вреда и убытков обнимает вред как имущественного, так и личного характера, почему наше законодательство говорит не только о лицах потерпевших, но и об обиженных...» [7].

Потерпевший от преступления приравнивался Уставом уголовного судопроизводства к органам, возбуждающим уголовное преследование (ст. 2 УУС [8]). В роли потерпевших могли выступать не только физические, но и юридические лица.

Уголовно-процессуальное законодательство после Октябрьской революции 1917 года восприняло значительную часть положений Устава уголовного судопроизводства России. «Однако не был воспринят либерально-демократический дух Устава, а многие из воспринятых из Устава положений в жизни не реализовывались» [9].

Статья третья Декрета СНК РСФСР «О суде» № 1 от 24 ноября 1917 года устанавливала, что обвинителями в уголовном деле могли выступать все неопороченные граждане обоего пола, в том числе и потерпевшие [10]. Согласно Положению о полковых судах, утвержденного Декретом СНК РСФСР от 10 июля 1919 г., участие потерпевшего обеспечивалось по всем уголовным делам, независимо от участия в деле должностного обвинителя [11].

После принятия УПК РСФСР 1923 г. [12] потерпевший стал пассивным участником уголовного процесса. На стадии предварительного следствия он имел право заявлять ходатайства о допросе свидетелей, экспертов и собирании других доказательств (ст. 112 УПК РСФСР), приносить жалобы на действия следователя (ст. 212 УПК РСФСР). В суде же потерпевший принимал участие как свидетель. Основное его право в суде было быть допрошенным, задавать вопросы обвиняемым и свидетелям он был не вправе, не участвовал и в исследовании доказательств.

УПК РСФСР 1923 г., как и прежнее уголовно-процессуальное законодательство, не содержал определения потерпевшего, тем самым не признавая его полноправным участником уголовного процесса, а также не отвечал на вопрос о классификации потерпевших на физических и юридических лиц.

Следующим серьезным шагом в развитии советского уголовно-процессуального законодательства было принятие 25 декабря 1958 года Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (далее Основы) [13], а также 27 октября 1960 года Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее УПК РСФСР 1960 года) [14].

В Основах впервые было закреплено понятие «потерпевший». Согласно ст. 24 Основ и ст. 53 УПК РСФСР 1960 г. «потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический и имущественный вред». Таким образом, исходя из данного определения, потерпевшим могли выступать как физические, так и юридические лица. Однако далее данные нормы определяли, что правами потерпевшего наделяется только гражданин, признанный потерпевшим от преступления, т. е. только физическое лицо, а юридическое лицо в случае причинения ему имущественного вреда имеет возможность выступать лишь в качестве гражданского истца. Э. Ф. Куцова отмечала, что «в законе нет достаточной последовательности в решении, может ли быть признано потерпевшим юридическое лицо (в ч. 1 ст. 53 УПК речь идет о «лице», которым может быть и юридическое лицо, а в ч. 2 ст. 53 УПК, предусматривающей права потерпевшего, — о гражданине)» [15].

В. М. Лебедев и В. П. Божьев указывали, что «потерпевшим от уголовного преступления могут быть физические и юридические лица, поскольку как тем, так и другим может быть причинен вред уголовно наказуемым деянием. В отличие от уголовно-правового понятия потерпевшего, в уголовно-процессуальном смысле потерпевшим может быть лишь физическое лицо, гражданин. Юридическое же лицо при причинении ему вреда преступлением может участвовать в производстве по уголовному делу в ином качестве гражданским истцом» [16]. Но существовала и противоположная точка зрения по данному вопросу. Л. Д. Кокорев полагал, что в уголовном процессе правами потерпевшего следует наделить и юридическое лицо в случае, когда ему причинен моральный вред [17]. Авторы второй точки зрения, по нашему мнению, достаточно обоснованно считали, что наделение юридических лиц правами потерпевшего необходимо для усиления их деятельности как участников уголовного судопроизводства.

Однако Пленум Верховного Суда СССР своим постановлением от 1 ноября 1985 года № 16 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [18] определил, что юридические лица не могут быть признаны потерпевшими. В случае причинения им имущественного вреда они признаются гражданскими истцами. Следует отметить, что данная позиция Верховного Суда СССР все же не положила конец научной дискуссии по данной проблеме вплоть до принятия УПК России 2001 г., который сделал еще один шаг вперед, закрепив, что потерпевшим может быть не только физическое, но и юридическое лицо [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Ключевский В. С. О русской истории. М., 1993. С. 50-53.
2. См.: Свод законов уголовных. Т. 15 Свода законов Российской Империи. СПб., 1832.
3. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. СПб., 1869. Ч. 1. С. 81-82.
4. Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. М.: Юрид. лит., 1967. С. 427.
5. Духовский М. В. Русский уголовный процесс М.: Изд-во для студентов. Унив. тип., 1902. С. 198.

6. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1664 года. СПб., 1869. С. 181
7. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2-х т. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. С. 21.
8. УУС — Устав уголовного судопроизводства 1864 года.
9. Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 72.
10. Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
11. Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 31-32. Ст. 326.
12. Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
13. Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.
14. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
15. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. Под ред. К. Ф. Гуценко. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ЗЕРКАЛО, 1998. С. 108.
16. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М.: Издательство «СПАРК», 1995. С. 81.
17. Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1964. С. 6.
18. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 1. С. 10-12.
19. Ч. 1 ст. 42 УПК РФ 2001 года.

Елена Владимировна НИКУЛЬЧЕНКОВА —
 декан юридического факультета,
 доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
 Омского экономического института,
 кандидат юридических наук

УДК 347.641

СПОРНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

АННОТАЦИЯ. В статье представлены правовые аспекты личной неприкосновенности несовершеннолетних, дискуссионность понятия «несовершеннолетний» в контексте определения его нижней временной границы. Автором выделены принципиально новые подходы в рассмотрении ряда прав несовершеннолетних: права на смерть, на половую неприкосновенность; на информационную и юридическую безопасность.

The study is based on the legal aspects of personal inviolability of minor. It has been attempted to introduce the conception «minor» in the context of definition its low time limit. To summarize author suggests new approaches examining minor's rights: the right to death, the right to sexual inviolability, the right to information and legal safety.

Понятие «несовершеннолетний» в российском праве имеет легальное толкование. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» несовершеннолетний — это лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет. По смыслу ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» этот термин идентичен понятию «ребенок»: «ребенок — это лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия)» [1].

Вместе с тем следует обратить внимание на дискуссионность рассматриваемого понятия, которая заключается в вопросе о его нижней временной границе.